

Нырок на 90-й параллели Самый первый. Самый глубокий

Фридайверы и подводные фотографы Константин Новиков и Андрей Сидоров – авторы рискованного, грамотно продуманного и блестяще реализованного проекта – погружения на рекордную глубину на задержке дыхания под лед (и не где нибудь, а на Северном полюсе) рассказывают о самых незабываемых моментах экспедиции. Константин был автором Портфолио в предыдущем номере журнала («Нептун XXI век», 2015, № 5), а Андрей дебютирует в этом номере.

**Константин Новиков, к.б.н.,
инструктор Федерации фридайвинга
и Arnea Academy:**

Очень трудно утолить жажду путешествий и открытий. А вот командой нашей я абсолютно удовлетворен. Никому не нужно было указывать пальцем, что делать, – каждый знал, что, как и когда.

У нас была очень слаженная и классная команда. Руководитель нашей экспедиции Иван Кронберг – врач, специалист по ме-

дицине катастроф – уже бывал на полюсе дважды. Без него многое было бы очень непросто на месте. Мы с Иваном знакомы уже 14 лет, много ныряли вместе в холодной воде.

Андрей Сидоров – фридайвер, подводный фотограф, бизнесмен, редактор журнала о природе и фотографии «Дикий журнал». Андрей мечтал нырять на Северном полюсе так же давно, как и я, и вот наши мечты сошлись. Он стал первым челове-

ком, кто нырнул в этом месте под воду на задержке дыхания.

Также в нашей команде было еще два человека, которые остались с нами на полюсе и разделили все трудности ледового быта, хотя в начальном плане их и не было: известный подводный фотограф Александр Аристархов и Алексей Виноградов — молодой инструктор по подводному плаванию группы компаний «Рудайв».

В таких экспедициях трудно что-то точно планировать. Всегда есть сложности и переносы, и не только из-за погодных условий. А условия были более чем непростые. Жили мы там в палатке в 500 метрах от полюса (точные координаты 89°59.556" E). За бортом температура была около -25°C . Днем при помощи бензиновых примусов удавалось поднять температуру внутри палатки до -5°C , это помогало держать снаряжение незамороженным. Во время сна примусы гасили, чтобы не отравиться. Становилось холоднее. Да и спали мы там очень мало.

Про холод можно говорить долго. Действительно было очень холодно! Согреться и подготовиться в теплой палатке не было возможности, потому что из-за отсутствия электричества для обогрева используются разного рода горелки, чаще всего бензиновые (газ замерзает в баллонах и не горит). Кислород в палатке выгорает и страшно воняет бензином. Кстати, запах керосина, дизельного топлива и бензина — главный запах таких экспедиций.

Что касается погружений, все прошло по плану. Андрей нырял первый, я его страховал; для меня это была разминка. После него нырял я. Настроиться было и без того непросто, так что я решил не выходить из майны. Температура воздуха начала в тот день падать, и выход был бы бессмысленным, замерзли бы только сильнее. После моего глубокого погружения мы еще минут тридцать ныряли, любовались подводными красотами и ледяными замками, фотографировали. В результате, замерзли довольно сильно. Точнее, так: я никогда в жизни еще так сильно не замерзал, хотя я ныряю под лед в течение 18-ти лет, из них 10 лет занимаюсь подледным фридайвингом. После того, как мы вышли из во-

Прозрачность воды на полюсе близка к идеальной. Видимость более 50 метров. На 65 метрах я хорошо видел трос, площадку и тэги. На Белом море на такой глубине крошечная тьма.

ды, минут тридцать приходили в себя, пытались отогреться горячей водой и чаем. И когда дрожь наконец прошла, то пошли нырять еще раз, потому что остановиться было просто невозможно. Такой красоты я не видел никогда и нигде. Второй раз нас уже Иван насильно выгнал из воды — все-таки руководитель экспедиции и врач.

Сравнить эти погружения ни с чем не возможно. С точки зрения психики погружения на Белом море были гораздо сложнее. А здесь, на полюсе, прозрачность воды близка к идеальной! Видимость более 50 метров. На 65 метрах хорошо видно было

наверху трос, площадку и тэги. А на Белом море на такой глубине — крошечная тьма.

Азотного наркоза не было. Были небольшие проблемы с продувкой в районе 55 метров, но все решилось и получилось. Зрелище во время всплытия открылось невероятное. Бесконечные просторы зеленовато-голубого льда, с трещинами и громадными торосами, люстры и «сталактиты» из ледяных кристаллов, переливающиеся, как бриллианты, свет, играющий в майнах и трещинах, светящиеся гребневика, висящие в толще черной воды, громадные морские ангелы. Было ощущение своей невероятной крохотности — из-за того, что под тобой более 4-х километров ледяной бездны. Воды как будто нет. И вся эта толща льда — свод дворца Снежной королевы — приближается постепенно к тебе с каждым взмахом ласты. Это было просто грандиозно!

Если вспомнить об истории российских подледных ныряльщиков, то в нашу первую поездку на Белое море, в 2005 г., Александр Дудов нырнул на 41 метр в морской воде под лед (CWT), потом Юлия Петрик улучшила результат до 43 метров (CWT), а в 2013 году я совершил погружение на 65 метров в Заполярье, в Белом море (CWT).

Рассказ продолжает Андрей Сидоров:

Да, с рекордом получилось неожиданно. Ведь у нас была информация о том, что на Северном полюсе до нашей удачной попытки установления мирового рекорда нырял хорватский фридайвер Кристиан Куравич. Было это еще в 2005 году. И ни о каком нашем первенстве в нырянии на Северном полюсе речь даже не шла. Мы просто готовились к рекорду по глубине погружения.

Я нырял первым, чтобы Костя имел больше времени для подготовки к рекордному нырку, и совершил погружение на 34 метра, что на тот момент стало моим личным рекордом по глубине погружения подо льдом. Затем страховал Константина Новикова, установившего мировой рекорд по подледному погружению в режиме Free-dive в соленой воде.

И лишь потом мы узнали, что хорватский спортсмен совершал свое погружение в 2005 году в ледовом лагере Барнео, который в тот момент находился более чем в 100 километрах от географической точ-

Зрелище во время всплытия открылось невероятное. Бесконечные просторы зеленовато-голубого льда, с трещинами и громадными торосами. Было ощущение своей невероятной крохотности – ведь внизу более 4 километров ледяной бездны. И вся эта толща льда постепенно приближается с каждым взмахом ласты...

ки полюса. Мы же на момент погружения находились всего в 350 метрах от нее. Ну и условия, в которых происходили наши погружения, кардинально отличались от условий, в которых нырял Куравич. Дело в том, что в лагере Барнео температура в палатках постоянно поддерживается в диапазоне +20–25 °С, есть доступ к неограниченному количеству горячей воды. Это максимально комфортно для того, чтобы одеть мокрый гидрокостюм, а также быстро согреться после погружения в воде, температура которой –2 °С. Мы же смогли «протопить» палатку лишь до –5 °С. То есть подготовка, одевание костюма и даже

отогревание проходили при отрицательной температуре и с очень небольшим количеством теплой воды, которую приходилось добывать, растапливая лед!

Все это позволяет нам считать себя действительно фридайверами, нырнувшими на Северном полюсе Земли.

Я стал самым первым, а Константин Новиков – самым глубоким!

